

Питер Акройд: писатели сегодня разбогатели

В Москву приехал знаменитый английский писатель Питер Акройд. В рамках совместного проекта с журналом *Esquire* автор бестселлера «Лондон. Биография» должен создать письменный отчет о своей поездке из Москвы в Михайловское через Торжок и Старую Руссу. Русские поклонники много расспрашивали ПИТЕРА АКРОЙДА о предстоящем путешествии, но только АННЕ НАРИНСКОЙ он рассказал, что гонораром в £650 тыс. за книгу его уже не удивишь.

— Вы специалист по городам: написали «биографию» Лондона, приступаете к Венеции... Как вам Москва?

— Я практически ничего не успел увидеть, только прошелся по нескольким улицам в центре. У меня еще маловато впечатлений. Кроме одного (и, признаюсь, это разочарование) — скажите, почему у вас совершенно нет голубей?

— Голубей?

— Да, голубей. Почему на Красной площади совершенно нет голубей? Это меня очень удивило. Но кроме этого недоумения, никаких впечатлений, которыми стоит делиться, у меня нет.

— Тогда поговорим о Лондоне. Вашу книгу «Лондон. Биография» называют не просто бестселлером, а книгой-блокбастером.

— «Лондон» действительно очень хорошо продавался. Ведь эта книга — отчасти аттракцион. Особенно для лондонцев. Читая ее, они могут окунуться в жизнь своего города два-три века назад. Понятно, что чтение чисто исторических книг такого эффекта не создает. Но, по-моему, интересно здесь не то, что так хорошо продавалась конкретно эта книга, а что книги те-

перь вообще хорошо продаются. Что книги в моде. Что на книгах теперь можно делать деньги. В Лондоне никогда не было столько книжных магазинов, сколько сейчас. А вспомните, двадцать лет назад все пророчили скорую смерть книги. И вот вам пожалуйста — книги сегодня оказались востребованными больше, чем когда-либо. Во всяком случае, когда-либо на моей памяти. И вместо того чтобы окончательно пойти по миру, как было предсказано, писатели сегодня, можно сказать, разбогатели. Ну если не разбогатели, то, во всяком случае, могут спокойно жить, зарабатывая писательством, что двадцать тридцать лет назад было практически невозможно.

— Вы получили £650 тыс. аванса за книги о Блейке и Диккенсе...

— Да, но это как раз было лет пятнадцать тому назад. Тогда эта сумма казалась огромной, теперь, наверное, она уже не так впечатляет.

— Возможно, люди стали снова интересоваться литературой, потому что она мало-помалу возвращается к тому, от чего, казалось, окончатель-

но ушла, — к рассказыванию историй про людей...

— Думаю, на свете нет человека, менее, чем я, подходящего для рассуждений о современной литературе; я ее практически не читаю и не знаю, что у них там происходит. Но при этом я, конечно, надеюсь, что у нас достанет ума не растерять окончательно мастерство, которым обладали романисты XIX века, и мы будем так или иначе использовать их методы.

— Почему вы не читаете современную литературу? Вас не устраивает ее уровень?

— У меня просто на нее не хватает времени. Я и так все свое время трачу на чтение, я постоянно должен читать книги, необходимые для осуществления моих проектов.

— Вы называете ваши книги проектами? По-моему, сегодня проектами называются вещи, созданные не по зову сердца, а по зову рынка. Вам не кажется, что это слово себя скомпрометировало?

— Знаете что? Вы совершенно правы. Я никогда об этом не думал, для меня это слово имеет другое значение. Но сейчас, когда вы об этом сказали, я при-

наю, что, наверное, зря его употребляю. Может, надо называть то, что я делаю, упражнениями? Или нет, главами. Ведь каждая книга, в сущности, глава в одном большом томе...

— Томе, который называется «Питер Акройд»?

— Да, и когда я умру, этот том будет закончен.

— Почему вы так поглощены прошлым? Такое впечатление, что современная жизнь вас совершенно не волнует.

— У меня самого такое же впечатление. Я думаю, у меня просто нет навыка интересоваться тем, что происходит здесь и сейчас. Для меня несравненно легче, к примеру, написать диалог, происходящий сто лет назад, чем диалог, происходящий сегодня. Скажу больше, для меня это куда более естественно. Кому же для любого писателя писать о сегодняшнем дне — значит писать о себе самом. А я совершенно не хочу писать о себе самом.

— И чтобы не писать о себе самом, вы придумали игру со временем?

— Может быть. Я, кажется, начал играть в эту игру первым. Это было еще в начале восьмидесятых. Тогда этот прием «скачка

из одного времени в другое» еще совершенно не был в моде. А сейчас все этим пользуются, это теперь такой инструмент для облегчения процесса производства художественной литературы. Хотя, впрочем, нет, самым первым был не я, а, по-моему, Джон Фаулз в «Женщине французского лейтенанта».

— Вы почти не выдумываете своих героев. Большинство из них существовало в реальности...

— Сам не пойму, почему у меня так выходит. Может, я просто не очень хорошо умею придумывать персонажей... Или вот что — большинство персонажей, о которых я написал книги, Чаттертон, Оскар Уайльд например, все они уже мифологические персонажи, наподобие Ахилла или Гектора. Они — общественная собственность. Проникая в уже существующий миф, развивая его, куда легче привлечь интерес читателей, чем выдумав кого-то, им абсолютно неизвестного.

— То есть вас привлекает легкость этого пути?

— Да, такое объяснение представляется меня каким-то популистом. Но ничего другого вот так на ходу я выдумать не могу.